

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I

В октябре 1916 года Саблин, совершенно неожиданно для себя, был назначен командиром N-ского армейского корпуса. Это назначение его несколько не устраивало. Он отлично сжился и полюбил свою дивизию. О командовании корпусом он не мечтал, и если когда думал о повышении, то считал, что он может командовать только кавалерийским корпусом. Когда он получил телеграмму о назначении, он принял ее со смирением истинного христианина. Радоваться было нечему. Корпус был только что сформированный из двух новых дивизий с новыми полками, без имен, без традиций, без заветов прошлого. Генерал Пестрецов, командовавший армией, сообщая о назначении Саблина, писал ему: "Не огорчайся таким назначением, Саша. Не диво командовать и отличаться со старыми хорошими частями. В тебя мы верим. Ты вдохнешь в эти молодые части свой бодрый кавалерийский дух, и ты сотворишь с ними чудеса. Обрати только внимание на офицерский состав. В 819-м пехотном Захолустном полку был случай отказа идти на позицию под влиянием агитации прапорщиков. Зато 812-м Морочненским полком командует полковник Козлов, герой Ново-Корчинского дела, и на смотре у меня он показал полк молодецки. Твой корпус пока без сапог и полушубков и без своей артиллерии, но как-нибудь справимся. Когда будешь ехать принимать корпус, заезжай ко мне, покалякаем. Конечно, ехать ко мне крюк, я живу далеко от позиции, но резервная дивизия твоя стоит и не так далеко от меня. Приезжай прямо к обеду. В любой день, но лучше в воскресенье. Тогда у меня музыканты играют, а вечером концерт и спектакль. Жду. Храни тебя Господь. Твой Пестрецов".

С грустью простился Саблин со своими лихими полками, с которыми он так много пережил. Вспомнил Железницкое дело, прорыв у Костюхновки, вспомнил всех тех, которые с беззаветной удачей шли вперед, вспомнил убитых и так дорогих ему драгун, улан, гусар и казаков. Прослушал трогательные речи командиров полков и, сопровождаемый громким "ура" солдат и казаков, поехал на автомобиле в штаб армии, отправив лошадей, выюки и вещи свои к резервной дивизии.

Сердце щемило. Ему казалось, что и люди его здесь любили, что они поняли его и он с ними сросся в одно целое. Что ожидало его впереди? Но Саблин верил в русского офицера и солдата и ехал, обдумывая план, как воспитать и обучить свой корпус.

Не желая огорчать командующего армией, он подогнал свой приезд к 12 часам дня. Шикарный молодой адъютант встретил его в прихожей большого господского дома и сказал, что он доложит.

-- Командарм сейчас говорит по телефону с Главкозапом, -- проговорил он на том нелепом разговорном коде, который в то время усиленно культивировался молодыми офицерами генерального штаба. -- Но я очень прошу вас пройти в гостиную, супруга Командарма просила доложить, когда вы приедете.

Саблин снял шинель и прошел за адъютантом в гостиную. День был хмурый, дождливый. В гостиной с тяжелыми портьерами и занавесками из расшитого тюля было полутемно. На полу поверх ковров лежали волчьи, медвежьи и рысьи шкуры, трофеи охоты хозяина поместья. Мебель была старая. Но в затхлое помещичье гнездо ворвалось и что-то свежее петербургское. У окон стояли корзины с пестрыми астрами и высокими вычурными, точно завитыми громадными хризантемами.

В коротком, едва закрывающем колени платье, из-под которого видны были щегольские высокие сапожки на высоком каблуке, в роскошном соболе, накинутом на плечи, сияя радостной улыбкой свежеемытого лица, вошла в гостиную Нина Николаевна Пестрецова. Ее фокс, позванивая бубенцами, ее сопровождал. Она прищурила глаза с подведенными ресницами, приложила к ним черепаховый лорнет и, улыбаясь выхоленным, полным лицом женщины, подходящей к сорока годам, заговорила быстро и весело, подавая небольшую сильно надушенную руку для поцелуя.

-- Генерал Саблин, конечно? О, я так давно жаждала познакомиться с вами. Я так много про вас слышала. Все без ума от вас. И графиня Палтова, и бедная Нина Ротбек, и Сальские, и Масальские. Особенно Нина Ротбек... О! Мне так описывали вас. И герой, и красавец. *Un vrais gentil-homme* (*-Истинный дворянин). Правда! Романами Дюма-р?ге (*-Отца) от вас должно веять. А Саша Ростовцева! Она молится на вас, как на святого. Не удивляйтесь, что я вас так встречаю. Я только что из Петрограда. Там какая-то мания на вас. Я заряжена вами. Приезжаю, а мой Jakob говорит мне: "Представь, -- Саблин получил у меня корпус и будет на днях. Провидение, *monsieur* Саблин. Вы верите в мистицизм, в эти... как их... флюиды... и потом, ах, я все забываю эти страшные названия. Знаете, маленькие такие. Они мне как лягушки почему-то представляются... как они... мальвы... нарвы... ларвы... да, ларвы. Я их ужасно боюсь... Садитесь. Jakob сейчас придет. Он на аппарате. Ах, он так занят... Вот вы какой!

Саблин, выросший в свете, чувствовал себя теперь огорошенным. Он как будто одичал за войну и не успевал вставить слова в болтовню Пестрецовой.